

ВЕРБАЛИЗОВАННАЯ АВТОРСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ¹

Э. Г. Куликова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 20 июля 2023 г.

Аннотация: в настоящей статье проанализирована роль вербализованной авторской рефлексии в современных медиа, причем наибольшее внимание уделено отражению в рефлексивах категорий современной лингвоэкологии, то есть оценкам с точки зрения приемлемости, пользы для языка тех или иных лексических единиц, их связи с русской лингвокультурой. Материалом исследования послужили тексты популярных российских медиа, в основном — 2023 года.

Ключевые слова: медиадискурс, метаязык, авторская рефлексия, лингвистическая экология, лингвистическая прагматика.

Abstract: the article analyzes the role of verbalized author's reflection in modern media, especially the reflection of modern linguoecology categories in reflexives, that is, evaluation in terms of acceptability, benefits for the language of certain lexical units, their connection with Russian linguoculture. The research material was the texts of popular Russian media, mainly from 2023.

Keywords: media discourse, metalanguage, author's reflection, linguistic ecology, linguistic pragmatics.

Предметом анализа в статье являются оценочно-аналитические суждения по поводу используемых в тексте языковых единиц. В этих суждениях языковые факты соотносятся с нормой, узусом, оцениваются с точки зрения прагматических свойств. Для обозначения исследуемого явления в лингвистике имеются многочисленные терминологические аналогии: «рефлексивы» [И. Т. Вепрева], «метаязыковой комментарий», языковая рефлексия [Т. В. Шмелева], метаязыковая рефлексия [Е. Е. Козлова], метаязыковые высказывания [Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев], суждения о языке [Б. М. Гаспаров], «маркеры рефлектирующего сознания» [О. Ю. Крючкова], «оценка речи» [Б. С. Шварцкопф], «метатекст» [Н. Д. Голев], «авторская рефлексия [Е. А. Сальман] и мн. др. (детальный анализ этой терминологии содержится в докторской диссертации [1]). Мы не считаем, что такое терминологическое изобилие вредит существу дела, потому что синонимия и в терминосфере способна акцентировать внимание на разных сторонах объекта (ср. отражение этого во внутренней форме приведенных наименований), способна придать научному тексту необходимую вариативность и разнообразие.

Большинство работ, посвященных этому феномену, базируется на материале литературных про-

изведений, реже — на фольклорных текстах и спонтанной разговорной речи рядовых носителей языка, в последнее время — интернет-коммуникации. В исследованиях рефлексивов было установлено, что они не только являются источником сведений об оцениваемой лексеме, но сами есть элементы эстетически организованного текста.

В настоящей статье проанализирована роль вербализованной авторской рефлексии в современных медиа, язык которых признается особым явлением, причем широко признано его доминирование над иными языковыми формами в современной речевой практике. Именно он «определяет характер всех активных процессов, оказывает сильнейшее влияние на все другие формы языка, в том числе на литературный язык», — пишет А. В. Полонский [2, 230]. Особое внимание уделено отражению в рефлексивах категорий современной лингвоэкологии, то есть оценкам с точки зрения приемлемости, пользы для языка тех или иных лексических единиц. Как известно, экологическая лингвистика, с одной стороны, отслеживает опасные симптомы деградации, а с другой — культивирует ответственный подход к выбору номинаций и соблюдение принципов прагматической уместности. И суждения такого направления нередко содержатся именно в вербализованной авторской рефлексии. Итак, авторская рефлексия неоднократно становилась объектом лингвистических исследований [1; 3–16]. Так, М. Р. Шумарина [1] доказала, что метаязыковая рефлексия есть особая разновидность знания о языке, и на основе анализа рефлексий в литературных и фольклорных текстах

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21–512–07001 «Лингвоэкологические параметры межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве».

предложила новый тип словаря — «Литературный портрет слова». Основой такого словаря, по мысли ученого, должны стать сведения об особенностях лексической семантики, происхождении и словообразовательных связях, стилистической или социолингвистической маркированности, о хронологических рамках активности, соображения об уместности/неуместности, об ассоциативных связях и лингвокультурологической ценности лексемы.

Большая группа рефлексивов в медиа связана с проблемой лексического заимствования. Есть работы, специально посвященные анализу взаимодействия заимствованных лексем с особым феноменом — метаязыковым сознанием [8], то есть отражению в авторских рефлексиях проблемы засилия англоамериканизмов. Указанный автор определил, какие именно аспекты этой проблемы наиболее часто затрагиваются в рефлексивах. Это осмысление системных характеристик заимствований в принимающем такую единицу языке. Как пишет Е. Е. Козлова [8], метаязыковая рефлексия, касающаяся входящих в другую лингвокультуру единиц, дает возможность выявить тенденции, принципы и способы вхождения заимствований в систему речи, а в дальнейшем — и языка, что детерминировано и таким параметром, как языковая ситуация (ее тип и длительность существования). Рефлексивы обладают оценочной семантикой — положительной, нейтральной или отрицательной (причем не всегда — прямой, нередко в форме иронии). Такие процессы способствуют активизации такого свойства метаязыкового сознания, как интерпретативность.

Очень часто в авторской рефлексии новейшие англицизмы характеризуются как современные и даже модные: *А сейчас, говоря современным языком, нас ждет ангрейд спектаклей. Каждый спектакль — это живая материя. Он становится либо лучше, либо хуже. Становиться хуже мы спектаклям не даем. Они должны становиться лучше, в том числе и за счет артистов, которые входят в постановку* [17, 19];

...похоже, сами того не сознавая, держа в голове совсем иной масштаб замысла, мы стали инициаторами — или же можно использовать модное слово, триггером — какого-то масштабного, глобального процесса, затрагивающего всю планету [18, 2].

Известно, что все выпуски *Словарей модных слов*, составленные В. Новиковым [19–21], не меньше чем на треть состоят из англицизмов, и авторы рефлексий, подобных приведенной, с одной стороны, следуют языковой моде, с другой стороны — дистанцируются от нее. Иногда такая дистанция специально подчеркивается, например, — с помощью слов извинения и характеристики «либеральный новояз»: *В июле прошлого года случилась курьезная история. Конгрессвумен (простите мне либеральный новояз) из того же Нью-Йорка Александрия Окасио-Кортес потащила к Верховному суду протестовать*

за право на аборт [22, 2].

Нередки также указания на принадлежность англицизмов молодежной речи: *Еще на неделе был наш «удар возмездия» на террористическую вылазку в Брянской области — очередная ракетная атака на инфраструктуру Украины. Тут, конечно, есть вопросы к такому, молодежь бы сказала «неймингу», но мы ограничимся словом «название»* [23, 6].

Рефлексивы помогают адаптации необходимых заимствований, что видно в таком примере: статья А. Околеловой (Вечерний Ростов, 14 марта 2017 г.) имеет заголовок «За кем следят ростовские бердвотчеры?» и лид: *Грозно звучащий иностранный термин обозначает лишь любителей наблюдать за пернатými — и тех, и других хватает в южной столице!* [24, 2].

Наконец, в рефлексивах может отражаться в резкое неприятие англицизмов: *...донимают и дырявят нас чужеземные слова-короеды: лакшери, митап, харассмент, чил, коворкинг»* [25, 7];

Я понимаю, что «кеш» и «кешбэк» — это коротко и очень удобно. Но объясните мне, чем удобен «буккросинг» вместо книгообмена? Вот эта нарочитость, демонстрация умения использовать не свое меня задевает, даже не с точки зрения профессиональной, а с гражданской [26].

В рефлексивах автор может дистанцироваться не только от неприемлемого для него иноязычия, но также от популярного жаргонизма: *Начнем с того, что исполнитель он [Шаман] замечательный, у него великолепный голос, тесситура очень хорошая. Аранжировки неплохие, мелодии туповатые, тексты кондовые, но людям, не люблю этого слова, «заходит»* [27, 20].

Использование рефлексивов в текстах медиа способствует преодолению сформированного автоматизма восприятия и обеспечению прагматического эффекта. Для этого автором могут использоваться два или несколько вариантов варианта обозначения одного явления и тем самым устанавливает семантические и прагматические различия: *Конечно, с момента последнего успешного путча (или, если хотите, «революции роз») прошло уже почти 20 лет* [28, 14].

Авторские рефлексии позволяют избежать нарушения хронотопа: *Анчаров — автор сценария первого в СССР сериала «День за днем» (сегодня бы сказали «культового»)* [29, 3].

Действительно, слово «культовый» было совершенно не в ходу во времена СССР, но, чтобы современному читателю была понятнее степень популярности сериала, в юбилейной заметке приводится это слово.

Авторская рефлексия является важным источником сведений о прагматических значениях и о той роли, которую играет та или иная лексема в культурной памяти народа. Ср.: *Кто не помнит феерический взлет Зулехи — крайне сомнительной книги как с точки зрения литературных достоинств, так*

и исторической правды! Но почему и зачем это произошло, почему слабый текст о миллиардах репрессированных, намекающий на всеобщую вину русских за тоталитаризм, собрал не просто все литературные лавры, но и сподобился премии правительства РФ? Кому это было нужно и выгодно? Иначе как **выразительным словом из недавнего прошлого — вредительство** — назвать подобное не получается. С одной стороны, все эти, прости Господи, промоутеры Зулейхи как будто уснули на стопке журналов «Огонёк» — кто-то давно разобрался с миллиардами расстрелянных, кому-то это просто неинтересно. Но с другой — такая литература бьет в цель, внушая ужас и отвращение к прошлому, тем самым разрушая «национальную идентичность» и внося свою лепту в подрыв государственного суверенитета [30, 32].

В 1928 г. «Комсомольская правда» напечатала стихотворение «Вредитель», написанное В. Маяковским в результате знакомства с информацией о раскрытии вредительской организации (так называемое Шахтинское дело). Как известно, деятельность этой организации контролировалась и оплачивалась реальным объединением капиталистов-эмигрантов из Российской империи, которая получила наименование «парижский центр».

Реальность этого дела (в отличие от тех, которые были явно сфабрикованы, когда репрессивная машина набрала обороты) признавали даже оппоненты Сталина (например, Л. Троцкий). В. Маяковский писал:

Прислушайтесь,
на заводы придите,
в ушах –
навязнет
страшное слово –
«вредитель» –
навязнут
названия шахт. <...>
Меня
презрение
и ненависть несут
под крыши
инженеровых квартир.
Мы отдавали
им
последнее тепло... [31, 137].

Речь идет о дипломированных специалистах, которым в голодной стране (где были пайки: простой, усиленный, академический) отдавали все, что могли, а те оказывались вредителями.

В течение нескольких десятилетий слово было типичным историзмом и относилось ко времени плакатов с содержанием типа: «Пятилетку не сорвать! Обломаем лапы вредителям и интервентам!» Но история повторяется. Недаром известный политкомментатор, доктор военных наук К. В. Сивков говорит, что страна сегодня в положении сентября

1941 г.: потеряны Прибалтика и Украина, и на нас ополчилась не только Германия, но вся Европа [32, 137]. И слово «вредители» все активнее используется для характеристики либеральных кругов, которые мешают СВО. А в приведенном примере из газеты «Культура» вскрывается вредительство в сфере культуры, которое в конечном счете тоже подрывает суверенитет страны.

Авторские рефлексии свидетельствуют о возвращении в активный запас мелиоративов советского прошлого: *Маленькая инициативная группа, иными словами — активисты (здесь уместно вспомнить пионерско-комсомольское прошлое), крутилась возле сцены, помогая подготовить рабочее место для званого гостя* [33, 22].

Иногда, однако, делаются оговорки о том, что далеко не всеми возвращение в активный обиход таких слов будет принято с одобрением:

— *Вы, кажется, продвигаете идею своего рода «культурных комиссаров», которые бы «присматривали» за разными культурными направлениями?*
— *Слово «комиссар» многих сразу начинает отпугивать. Назовите иначе* [34, 12].

Развернутый комментарий по поводу прагматического созначения слова «пакт» содержится в статье Я. И. Кедми: *А взять пакт Молотова-Риббентропа. Заметьте, что даже ваши пропагандисты повторяют это слово: пакт. А его ведь придумали антисоветчики. На самом деле это обычный договор. Такой же как мюнхенский, польский или французский. Нет, вы называете его пактом, потому что ничего не понимаете в пропаганде. И не придаете значения словам. И не защищаете ни свою честь, ни свою правду.*

У вас богатая история, она замечательна во многих моментах, колоссальные достижения — и объективно, и субъективно. Почему же ваш народ этого не знает или об этом не говорит? Почему вся история СССР — это лагерь? Да, они были, это надо знать и помнить, но политически это была небольшая часть, и не они решили все проблемы. То, каким государство было, каким стало и почему, — вот главные вопросы. <...> Ни в одной армии мира не было своего Сталинграда, не было Брестской крепости. Слова «Я умираю, но не сдаюсь» кровью написаны только на русском языке. Ни на одном другом языке никогда никто этого не писал. И в этом огромное отличие. Это то, что дает силу России [35, 3].

Интересно, что толковые словари при слове «пакт» дают помету «офиц.», что подразумевает отсутствие оценочных коннотаций. Получается, что именно авторские рефлексии (в данном случае — Я. И. Кедми) оказываются более точными и информативными.

В рефлексиях отражается мирозерцание эпохи и, соответственно, языковая ситуация времени. Ср.: *Престиж рабочих и даже инженерных профессий упал еще в 1990-е гг. Были закрыты тысячи про-*

фтехучилищ. Слово «ремеслуха» стало почти ругательным [36, 7].

Авторская рефлексия может оказаться необычной интерпретацией привычного выражения: *Если честно, я сама понятие «элита» не люблю. Как говорил мой приятель Миша Шевелев в ту пору, когда работали в газете «Московские новости»: «Элита — это животноводческий термин, выбранный в качестве самоназвания группой лиц, укравших слишком много денег». Это было сказано в 90-е годы. Но определение обожаю до сих пор* [37, 12].

Как видим, в рефлексии выражено вполне обоснованное мнение о том, что привычное обозначение, принятое в большинстве стилей и жанров современного литературного языка, весьма сомнительно с точки зрения понятийного содержания и небезупречно в этическом смысле.

Итак, авторская рефлексия фиксирует внимание на актуальных процессах в лингвокультуре, фиксирует «точки коммуникативного и концептуального напряжения» [15], а иногда рефлексив оказывается более информативным и точным, чем словарные пометы. Как известно, медиа выполняют не только информационную, но также ценностно-ориентирующую и образовательную функции. Это достигается многими средствами, среди которых не последнее место занимает такой прием, как вербализованная авторская рефлексия. Благодаря авторской рефлексии актуализируется влияние метаязыковой информации на динамику языкового сознания социума. Отражающие авторскую рефлексив лексические единицы — рефлексивы — способ фиксации и передачи особенностей такого коммуникативного феномена, как языковая ситуация, а также характерных для нее регулярных процессов расширения лексического состава, в том числе за счет заимствований и прагматических модификаций. Таким образом, авторская рефлексия и фиксирующие ее единицы — рефлексивы — детерминируют осознание динамических процессов в лексике, а это значимо для характеристики языка как системы на этапах закономерной нестабильности социума. Именно в рефлексивах нередко указываются точки «речевого напряжения», то есть то, что требует разъяснения, комментария, углубленного осмысления с позиций экологического мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шумарина М. Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Р. Шумарина. — М., 2011.
2. Полонский А. В. Медиалект: язык в формате медиа / А. В. Полонский // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 37. — № 2. — С. 230–240.
3. Андрусенко Е. А. Метаязыковая рефлексия в художественных текстах В. П. Астафьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Андрусенко. — Кемерово, 2012.

4. Булыгина Т. В. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. — М., 1999. — С. 146–161.

5. Вежбицка А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. — 1978. — С. 402–421.

6. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — М., 2005.

7. Иванников Е. Б. Языковая рефлексия в интернет-жаргоне: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Б. Иванников. — СПб., 2020.

8. Козлова Е. Е. Заимствования как объект метаязыковой рефлексии рядовых носителей русского литературного языка: начало XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Козлова. — Томск, 2012.

9. Кормилицына М. А. Рефлексивы в речевой коммуникации / М. А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов, 2000. — С. 20–25.

10. Крючкова О. Ю. Рефлексивность диалектной речи / О. Ю. Крючкова // Язык — Сознание — Культура — Социум. — Саратов, 2008. — С. 214–223.

11. Кузьмина Н. А. Автокомментирование как форма проявления метаязыкового сознания (на материале русской поэзии новейшего времени) / Н. А. Кузьмина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. — Кемерово, 2009. — Ч. 2. — С. 192–209.

12. Лунде И. Слово напоказ: языковая практика и ее рефлексия в Интернете / И. Лунде // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве. — М., 2016. — С. 224–241.

13. Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета / Н. Б. Мечковская // Русский язык в научном освещении. — 2006. — № 2 (12). — С. 165–185.

14. Репринцева М. А. Понятие метаязыка и его трактовки / М. А. Репринцева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». — 2014. — № 2. — С. 232–237.

15. Сальман Е. А. Авторская рефлексия как знак освоения новых явлений в лексике (на материале публицистики М. А. Булгакова 1920-х гг.) / Е. А. Сальман // Вестник СПбГУ. Сер. 9. — 2009. — Вып. 4. — С. 133–139.

16. Шапилова Н. И. Метаязыковые рефлексивы в художественном дискурсе (на материале произведений В. П. Астафьева) / Н. И. Шапилова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. — Кемерово, 2010. — Ч. 3. — С. 110–117.

17. Шаблинская О. Чемодан неприятностей. Владимир Машков — о современном театре, участии артиста и своей глубокой печали / О. Шаблинская // Аргументы и факты. — 2021. — № 38.

18. Власов П. В точке бифуркации / П. Власов // Культура. — 2023. — № 2.

19. Новиков В. Словарь модных слов / В. Новиков. — М., 2005.

20. Новиков В. Новый словарь модных слов / В. Но-

виков.— М., 2008.

21. Новиков В. Словарь модных слов. Языковая картина современности / В. Новиков.— М., 2016.

22. Титов И. Дело Трампа / И. Титов // Завтра.— 2023.— № 12.

23. Попов Д. Свинорейх против Новороссии» / Д. Попов // Московский комсомолец.— 2023.— 15–21 марта.

24. Околелова А. За кем следят ростовские бердвотчеры? / А. Околелова // Вечерний Ростов.— 2017.— 14 марта.

25. Евсеев Б. Детоотсупники / Б. Евсеев // Литературная газета.— 2022.— № 26.

26. Что происходит с родной речью в эпоху пандемии // Российская газета.— 2021.— 2 июня.

27. Ноздряков Д. Дед Архимед: Потребность сострадать ушла из человека / Д. Ноздряков // Собеседник.— 2023.— № 20.

28. Ростовский М. Второй грузинский фронт против Москвы / М. Ростовский // Московский комсомолец.— 2023.— 15–21 марта.

29. Опасная архаика. К 100-летию со дня рождения Михаила Анчарова // Литературная газета.— 2023.— № 14.

30. Замлелова С. При чем тут Зулейха? / С. Замлелова // Культура.— 2022.— № 12.

31. Маяковский В. В. Вредитель. Собр. соч. в 12 томах / В. В. Маяковский.— М., 1978.— Т. 5

32. Интервью YouTube-каналу «День» от 3 июня 2023 г.

33. Епифанов И. Вы не представляете, каким богатством владеете! / И. Епифанов // Аргументы недели.— 2023.— № 13.

34. Захар Прилепин: патриотической культуре нужны свои институции» // Культура.— 2022.— № 11.

35. Барова Е. «Не стыдитесь своей истории». Яков Кедми о том, что может дать силу России / Е. Барова // Аргументы и факты.— 2021.— № 41.

36. Костиков В. Кому лобзик, кому бзик / В. Костиков // Аргументы и факты.— 2023.— № 21.

37. Интервью с Ириной Ясиной // Собеседник.— 2023.— № 13.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Куликова Э. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций

E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

*Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Kulikova E. G., Doctor of Philology, Professor of the Mass
Communications Department*

E-mail: kulikova_ella21@mail.ru